

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как последователи еретического учения приложили все силы к тому, чтобы обмануть последователей истинного учения, и о том, как беспокойный Царь обезьян проявил мудрость и расправился со злыми духами

Итак, убедившись в том, что Сунь У-кун обладает способностью вызывать драконов и распоряжаться духами, император решил скрепить печатью дорожные свидетельства Танского монаха, чтобы он мог продолжать свой путь. Но в этот момент даосы повалились императору в ноги. Император поспешил сойти с трона и, помогая им подняться, спросил:

— Что заставляет вас совершать такие церемонии, уважаемые наставники?

— Ваше величество, — молвили те, — вот уже двадцать лет, как мы отдаем все свои силы для пользы вашего государства и оберегаем мир и спокойствие ваших подданных. А эти буддийские монахи путем волшебства в один миг зачеркнули все наши заслуги и лишили нас нашей славы. Вы простили убийц только потому, что они вызвали дождь. Разве не является это доказательством несправедливого отношения к нам? Умоляем вас, ваше величество, не спешите скреплять печатью их дорожные свидетельства и разрешите нам еще раз померяться с ними силами.

Выслушав это, император еще больше растерялся. Не имея своего мнения, он прислушивался к тому, что говорят другие, и действительно отложил печать и дорожные свидетельства в сторону.

— В чем же вы хотите с ними состязаться, уважаемые наставники? — спросил он.

— Я предлагаю состязаться в самосозерцании, — отвечал Сила тигра.

— Мне кажется, что вы совершаете ошибку, — заметил император. — Ведь буддийские монахи непременно одержат верх. Если бы они не были совершенны в самосозерцании, их бы не послали за священными книгами. Поэтому я и удивляюсь, как можете вы даже помышлять о том, чтобы состязаться с ними.

— У нас есть свой, особый способ самосозерцания, — сказал на это Сила тигра, — и называется он «проявление мудрости на облачной лестнице».

— Что же это за способ? — поинтересовался император.

— Для того чтобы применить его, нам потребуется сто столов, — сказал Сила тигра. — Нужно соорудить два возвышения, по пятьдесят столов каждое; для этого столы ставятся друг на друга. Затем нужно взобраться по этой облачной лестнице без помощи рук и другой лестницы прямо на облака и просидеть там несколько часов подряд без всякого движения.

Император понял, что даос предлагает довольно трудный способ.

— Ну как, уважаемые монахи, — обратился он к путникам. — Может кто-нибудь из вас принять вызов нашего наставника?

В ответ на это Сунь У-кун пробормотал что-то непонятное.

— Что же ты, брат, молчишь? — тихонько спросил его Чжу Ба-цзе.

— Видишь ли, брат, — отвечал ему Сунь У-кун, — не стану тебя обманывать. Если бы мне предложили устроить заваруху на небе или внизу в колодцах, взбаламутить море, повернуть вспять реку, перенести гору или же прогнать луну, переместить Полярную звезду или созвездия, — все это не составило бы для меня никакого труда. Пусть даже мне сказали бы снять собственную голову, раскроить череп и вытащить мозг, распороть живот и вынуть сердце и внутренности, или совершить еще какие-нибудь необычные превращения, — все это меня ничуть не испугало бы. Но спокойно сидеть и погрузиться в самосозерцание я не смогу и наверняка проиграю. Разве это по моему характеру? Если бы даже меня приковали к верхушке железного столба, я и то не смог бы усидеть на месте и непременно старался бы взобраться либо еще выше, либо спуститься вниз.

— Но ведь я могу погрузиться в самосозерцание, — неожиданно сказал Трипитака.

— Вот и чудесно! — радостно воскликнул Сунь У-кун. — А сколько времени можете вы просидеть без движения?

— Когда я был молод, — отвечал Трипитака, — мне посчастливилось встретить лучших учителей-монахов. У них я и научился погружаться в самосозерцание, я могу просидеть два-три года на грани между жизнью и смертью.

— Если вы будете столько времени сидеть, — заметил Сунь У-кун, — мы никогда не добудем священных книг. Посидите часа три — и хватит.

— Но, ученик мой, — молвил Трипитака, — беда вся в том, что я не смогу взобраться на это возвышение.

— Ничего, — сказал Сунь У-кун, — вы только дайте свое согласие, а об остальном я сам позабочусь.

Тогда Трипитака почтительно сложил ладони рук и, склонившись перед императором, сказал:

— Ваше величество, я обладаю способностью погружаться в самосозерцание.

После этого император велел соорудить два возвышения.

А надо вам сказать, что в этом государстве было очень много рабочего люда. Не прошло и часа, как рядом с залом Золотых колокольчиков выросло два возвышения. После того как все было готово, Сила тигра вышел из дворца и, совершив прыжок, очутился на облачном ковре. Этот ковер доставил его на возвышение с западной стороны, где Сила тигра и уселся.

В этот момент Сунь У-кун выдернул у себя волосок и превратил его в свою точную копию. Этот двойник и остался стоять рядом с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Сам же Сунь У-кун превратился в радужное облако и поднял Трипитаку на возвышение с восточной стороны. Когда Трипитака уселся, Сунь У-кун из облака превратился в комара и, подлетев к Чжу Ба-цзе, шепнул ему на ухо:

— Смотри, хорошенько охраняй учителя и не вступай в разговоры с моим двойником, который будет стоять рядом с тобой.

— Понятно, — со смехом отвечал Чжу Ба-цзе.

Тем временем даос Сила оленя, восседая на расшитом сиденье, наблюдал за состязанием. Однако, видя, что никто не побеждает, решил прийти на помощь своему приятелю. Он выдернул у себя из затылка волосок, произнес заклинание и, скатав волосок в шарик, подбросил его вверх. Волосок попал прямо на голову Танскому монаху и тут же превратился в клопа. Вначале Трипитака почувствовал зуд, а немного погодя даже боль. Предаваясь самосозерцанию, следует сидеть совершенно неподвижно. Малейшее движение равносильно проигрышу. Через некоторое время Трипитака почувствовал нестерпимую боль и, втянув голову в плечи, почесал место укуса о воротник.

— Плохи дела, — сказал Чжу Ба-цзе, заметив это. — У учителя, кажется, начинается приступ падучей болезни.

— Нет, просто у него голова заболела от ветра, — возразил Ша-сэн.

— Наш учитель — человек необыкновенной честности, — отвечал на это Сунь У-кун. — Раз он сказал, что умеет предаваться самосозерцанию, значит, это так и есть. Если он чего-нибудь не умеет, то всегда прямо об этом говорит. Разве человек высшего порядка может вводить кого-нибудь в заблуждение? Вы не волнуйтесь. Я сейчас поднимусь к учителю, и все узнаю.

Он с жужжаньем полетел вверх и уселся на голову Трипитаки. Тут он увидел, что в голову Трипитаки впился огромный, величиной с горошину, клоп. Сунь У-кун смахнул клопа рукой и почесал место укуса. Не чувствуя больше зуда, Трипитака выпрямился и снова предался самосозерцанию.

«На выбритой до блеска голове монаха даже вошь не удержится, — раздумывал между тем Сунь У-кун. — Каким же образом здесь очутился такой огромный клоп? Это, конечно, проделки

даосов, которые задумали погубить нашего учителя. Ха-ха! Напрасно, друзья, стараетесь, ничего у вас не получится. Погодите, сейчас я устрою вам штучку».

Сунь У-кун взлетел на крышу дворца и, встряхнувшись, превратился в сороконожку, длиной в семь цуней. Тут он заполз даосу в нос и изо всех сил впился ему в кожу. Даос утратил все свое спокойствие, дернулся и кувырком полетел вниз. Он разбился бы насмерть, если бы стоявшие внизу чиновники не подхватили его.

Правитель не на шутку перепугался, и приказал отнести даоса в зал Изыщной литературы, чтобы привести его в чувство. Между тем Сунь У-кун на облаке опустил Трипитаку вниз и поставил его перед троном. Трипитака был признан победителем.

После этого правитель решил отпустить путников. Но тут вперед выступил даос Сила оленя.

— Ваше величество, — молвил он, — у моего брата скрытая болезнь, и вот, когда он очутился наверху и его прохватило ветром, болезнь вспыхнула с новой силой. Только поэтому буддийский монах смог одержать верх. Прошу вас, не отпускайте этих монахов. Пусть посостязаются с нами в «отгадывании того, что находится за досками».

— А что это значит? — спросил правитель.

— Я умею узнавать, что скрыто за досками, — отвечал даос, — и хочу посмотреть, могут ли буддийские монахи делать это. Если они победят меня, отпустите их: пусть идут своей дорогой. Если же проиграют, притяните их к ответу и накажите. Тем самым вы отомстите за обиду, нанесенную нашему старшему брату и не опорочите наши заслуги, которые мы оказали вашей стране за эти двадцать лет.

Правитель снова растерялся, однако решил послушаться даоса. Он приказал отнести красный лакированный ящик на женскую половину дворца и велел жене положить туда какую-нибудь драгоценность. Когда ящик принесли в зал и поставили перед троном, правитель сказал:

— Сейчас последователи двух учений должны призвать всю силу своей прозорливости и угадать, какая драгоценность находится в этом ящике.

— Ученик мой, — молвил Трипитака, — как же можно узнать, что спрятано в этом ящике.

Сунь У-кун превратился в цикаду и, усевшись на голову Трипитаки, сказал:

— Не беспокойтесь, учитель, сейчас я выясню, что там спрятано.

И вот наш чудесный Мудрец тихонько подлетел к ящику, подполз под него и, отыскав на дне небольшую трещинку, вполз внутрь. В ящике он увидел красное, покрытое глазурью блюдо, а на нем царское парадное одеяние, состоящее из роскошного халата и великолепного

передника. Приподняв все эти вещи, Сунь У-кун встряхнул их и, прикусив язык, спрыснул показавшейся из ранки кровью, крикнув при этом: «Изменитесь!» В тот же миг роскошный наряд превратился в старый разбитый колокол. Из озорства Сунь У-кун не удержался и помочился на него. После этого он выполз из ящика и, подлетев к уху Трипитаки, тихонько произнес:

— Учитель, скажите им, что там находится старый разбитый колокол.

— Речь идет о драгоценности, которая находится в этом ящике, — отвечал Трипитака, — а ты выдумал какой-то старый разбитый колокол. Какая же это драгоценность?

— Не обращайтесь внимания на их слова, слушайте меня — и все, — успокоил его Сунь У-кун.

Трипитака выступил вперед и только было собрался сказать, что находится в ящике, но тут Сила оленя перебил его:

— Разрешите, я скажу. В ящике находится роскошное парадное одеяние, состоящее из халата и передника.

— Нет, нет, — возразил тут Трипитака. — В ящике лежит старый разбитый колокол.

— Да этот монах, оказывается, невежа, — возмутился правитель. — Он смеет насмехаться над нами и говорит, что какой-то старый разбитый колокол — для нас драгоценность. Взять его!

Подчиненные бросились было выполнять приказ, но перепуганный Трипитака, почтительно сложив ладони рук, воскликнул:

— Сжальтесь надо мной, над бедным монахом, ваше величество! Велите открыть ящик. Если там действительно окажется какая-нибудь драгоценность, я готов понести наказание. Если же там ее не окажется, я могу невинно пострадать.

Тогда правитель приказал открыть ящик, и, к великому удивлению всех присутствующих, оттуда вытащили старый, разбитый колокол.

— Кто положил эту вещь сюда?! — разгневанно воскликнул правитель.

— Мой повелитель, — молвила в ответ супруга, появившаяся в этот момент из-за трона. — Я собственными руками положила в ящик парадное царское одеяние. Как мог очутиться здесь этот разбитый колокол, я совершенно не понимаю.

— Ты можешь удалиться, — сказал тогда правитель своей супруге. — Теперь я знаю, что делать. Вещи, которые находятся во дворце, сделаны из самого лучшего материала. Как же

могла появиться здесь подобная рухлядь? Несите ящик за мной, — приказал он своим приближенным, — я сам положу туда что-нибудь, и мы повторим испытание.

Удалившись в сад, расположенный позади дворца, правитель подошел к волшебному персиковому дереву, сорвал с него плод, величиной с чашку, и положил его в ящик. После этого ящик принесли обратно, и правитель приказал продолжать состязание.

— Ученик мой, — тихо произнес Трипитака, — что же мне теперь делать?

— Не беспокойтесь, учитель, — отвечал Сунь У-кун, — сейчас я посмотрю, что там лежит.

С этими словами Сунь У-кун подлетел к ящику и снова через щель проник внутрь. И тут он увидел то, что нравилось ему больше всего на свете, — он увидел персик. Приняв свой обычный вид и присев на корточки, Сунь У-кун с превеликим наслаждением съел персик и со всех сторон облизал его, оставив одну косточку. Затем, превратившись в цикаду, он подлетел к уху учителя и сказал:

— Учитель, скажите им, что там лежит косточка от персика.

— Не терзай ты меня, ученик мой, — взмолился Трипитака. — Если бы в прошлый раз я вовремя не остановил императора, то теперь наверное был бы уже казнен. Я должен отгадать, какая там находится драгоценность, а что же за драгоценность — косточка от персика?

— Ни о чем не беспокойтесь, — успокоил его Сунь У-кун, — и не сомневайтесь в том, что победите.

Трипитака выступил вперед и хотел сказать, что находится в ящике, но его тут же перебил Сила барана, который сказал:

— Разрешите мне первому сказать, что находится в ящике Там лежит персик.

— Нет, не персик, — возразил тогда Трипитака, — а только косточка от него.

— Какая еще косточка! — воскликнул правитель — Я собственными руками положил туда персик. Даос прав.

— Может быть, вы, ваше величество, все же прикажете открыть ящик, чтобы посмотреть, что там лежит, — заметил Трипитака.

И когда ящик открыли, там действительно обнаружили только косточку. Никаких следов персика, даже кожицы, не оказалось.

— Мои верные наставники, — промолвил пораженный император, — вам лучше отказаться от состязания с этими монахами. Пусть они идут дальше. Я собственными руками положил туда персик, а сейчас от него осталась одна косточка. Кто же съел его? Очевидно, этим людям тайно помогают духи.

Услышав это, Чжу Ба-цзе ехидно улыбнулся и шепнул Ша-сэну:

— Они еще не знают, какой у Сунь У-куна опыт по уничтожению персиков.

В этот момент из зала Изящной литературы показался даос Сила тигра. Он полностью пришел в себя.

— Ваше величество, — молвил даос, подходя к императору. — Эти монахи знают только, как перемещать и подменять предметы неодушевленные. Велите принести сюда ящик, и я раскрою все их волшебство. Надо заставить их отгадать еще один раз.

— Что же вы хотите предложить сейчас? — спросил правитель.

— Ведь они, — продолжал Сила тигра, — могут подменять только неодушевленные предметы. Давайте посадим в ящик даосского послушника, его-то они не смогут подменить.

Так и сделали. Послушника посадили в ящик и крепко-накрепко закрыли крышкой.

— Ну, монахи, — сказал правитель, — придется вам отгадывать в третий раз. Итак, скажите, какая драгоценность находится сейчас в ящике?

— Опять начинается, — простонал Трипитака.

— Ничего, сейчас я все выясню, — утешил Трипитаку Сунь У-кун.

Он снова полетел к ящику, вполз в него и увидел там даосского послушника. И, о чудесный Мудрец! Он был столь искусен и опытен в превращениях и столь мудр, что никто в Поднебесной не мог с ним сравниться. Он слегка качнул корпусом и принял вид монаха-даоса.

— Ученик, — позвал он послушника.

— Как вы попали сюда, учитель? — изумился тот.

— Я стал невидимым и проник сюда, — отвечал Сунь У-кун.

— Вы хотите дать мне какие-нибудь наставления? — спросил послушник.

— Эти монахи видели, как тебя посадили в ящик, — отвечал ему Сунь У-кун. — Таким образом, они выиграют. Поэтому я решил прийти поговорить с тобой. Обрей голову, как это делают буддисты, тогда мы выиграем, сказав, что в ящике буддийский послушник.

— Я во всем повинуюсь вам, — отвечал на это послушник. — Главное, чтобы мы победили. Если мы еще раз проиграем, то навсегда потеряем доверие и уважение, которыми пользуемся при дворе.

— Совершенно верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Подойди ко мне, сын мой. Если мы выиграем, я тебя щедро вознагражу.

С этими словами Сунь У-кун взмахнул своим посохом и превратил его в бритву. Затем он обхватил послушника за шею и сказал:

— Ну, дорогой, если будет больно, ты немного потерпи и не кричи, когда я буду тебя брить.

В один момент он обрил послушника и, скатав его волосы в комочек, заткнул их в уголок ящика. Затем он спрятал бритву и, поглаживая голову послушника, сказал:

— Ну, сынок, башка теперь у тебя, как у буддийского монаха, только вот платье на тебе не то. Сними его, я дам тебе другое.

На послушнике был широкий даосский халат светло-зеленого цвета, окаймленный снизу парчой с узорами облаков. Когда послушник снял его, Сунь У-кун дунул и сказал: «Изменись!» И халат тотчас же превратился в желтую буддийскую рясу. После этого Сунь У-кун выдернул у себя два волоска. Один он превратил в деревянный барабан, имеющий форму рыбы, который обычно носят при себе буддийские монахи, и, передавая этот барабан послушнику, сказал:

— А теперь внимательно прислушивайся: если позовут послушника-даоса, ни в коем случае не отзывайся. Когда же позовут послушника-буддиста, открывай крышку и с барабанным боем и пением псалма вылезай из ящика. Сделаешь все, как я тебе сказал, и победа обеспечена.

— Но я не знаю буддийских псалмов, — сказал послушник. — Я знаю только псалмы даосские: псалом Полярной звезды, псалом, избавляющий от бедствий, а также псалом трем духам.

— Но, может быть, ты знаешь какое-нибудь молитвенное обращение к Будде? — спросил Сунь У-кун.

— Я знаю то, что все знают: Амитофо! — отвечал послушник.

— Ну, тогда все в порядке, — обрадовался Сунь У-кун, — с этими словами и выходи из ящика. Только смотри, не забудь ничего, что я тебе говорил.

Сказав это. Сунь У-кун снова превратился в цикаду, выбрался из ящика и, подлетев к уху Танского монаха, прошептал:

— Учитель, скажите, что в ящике буддийский монах.

— Ну, на этот раз они непременно выиграют, — сказал Трипитака.

— Почему же? — удивился Сунь У-кун.

— Потому что в священном писании говорится: «Будда, учение и монахи — являются истинными драгоценностями буддизма». Значит, монах является одной из драгоценностей.

В это время вперед выступил даос Сила тигра.

— Ваше величество, — сказал он, — на этот раз в ящике находится даос-послушник.

И он громко позвал послушника. Однако послушник и не подумал отозваться.

— Там находится буддийский монах, — проговорил тогда Трипитака.

Чжу Ба-цзе громким голосом повторил то же самое.

Вслед за этим крышка ящика открылась и оттуда с барабанным боем, воспевая Будду, появился послушник. Это вызвало всеобщий восторг, и все как один громко захлопали в ладоши. Что же касается государственных наставников-даосов, то они стояли молча, плотно сжав губы.

— Нет сомнения в том, что этим монахам помогают духи, — сказал тогда правитель. — Иначе как бы мог очутиться в ящике буддийский монах? Ведь посадили туда даоса. Ну, допустим, что в ящик каким-то образом проник цирюльник, который обрил послушника, но откуда взялась монашеская ряса? Ведь она словно сшита на него. И потом, почему он обращается к Будде? Нет, дорогие наставники, вы должны уступить этим монахам. Пусть идут своей дорогой.

— Ваше величество, — возразил тут даос Сила тигра, — как говорится: «За шашками встретились достойные соперники, полководец столкнулся с равным по силе противником». В молодости, живя на горе Чжуннаньшань, мы овладели военным искусством, в котором и хотим посостязаться с ними.

— В чем же состоит ваше искусство? — спросил правитель.

— Таинственная сила, которой мы обладаем, заключается в том, что мы можем водворить на место отрубленную голову; нам можно разрезать живот, вынуть все внутренности, и мы, как ни

в чем не бывало, вернем их на прежнее место; мы можем даже опуститься в котел с кипящим маслом.

— Да ведь это верная смерть, — с ужасом сказал император.

— Если бы мы не обладали подобной силой, я не осмелился бы заговорить об этом, — возразил даос. — Нет, мы требуем, чтобы они посостязались с нами, иначе мы не успокоимся.

— Ну что же, — обратился к паломникам правитель, — придется вам согласиться. Иначе мои наставники не отпустят вас.

Сунь У-кун, который все еще оставался цикадой и говорил Трипитаке, что ему следует делать, услышав подобное предложение, принял свой обычный вид и, громко рассмеявшись, воскликнул:

— Ну и повезло же мне! Покупатель сам идет к дверям нашей лавки.

— Чему тут радоваться, не понимаю, — удивился Чжу Ба-цзе. — Все три способа, о которых он говорил, — это кратчайший путь к смерти.

— Ты еще не знаешь, на что я способен, — сказал Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе, — хватит с тебя тех превращений, которые ты уже проделал. Неужели у тебя в запасе имеются еще какие-то чудеса?

Тогда Сунь У-кун отвечал ему:

Если мне отрубят голову —

Все равно не замолчу,

Если мне отрубят руки —

Все равно поколочу!

Если мне отрубят ноги —

Я смогу ходить без них,

Если вскрыют мне утробу —

Буду я живей других.

И себя легко и просто

Вновь слеплю я, как пельмень,

Защиплю — и все на место

Снова станет в тот же день...

А в кипящем этом масле

Искупаться — не беда!

Для меня оно, как в бане

Подогретая вода.

Выслушав его, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не могли удержаться и расхохотались. Между тем Сунь У-кун выступил вперед и сказал:

— Ваше величество, я согласен, пусть мне отрубят голову.

— Как, тебе известен этот способ? — удивился император.

— В прежние годы, когда я в монастыре занимался самоусовершенствованием, — сказал Сунь У-кун, — мне посчастливилось встретиться с одним буддийским монахом, который и обучил меня способу усечения головы. Насколько хорош этот способ, я не знаю. Но сейчас можно его испытать.

— Этот монах по молодости лет совершенно не понимает, что говорит, — сказал с усмешкой правитель. — Как можно рисковать собственной головой? Разве это шутки? Ведь голова — самая главная из шести частей тела. С ее отсечением наступает смерть.

— Ваше величество, — сказал тут даос Сила тигра, — этого-то мы и хотим. Только их смерть может успокоить наш гнев.

Правитель послушал даоса и приказал готовить помост для отсечения головы, а перед ним выстроить три тысячи солдат дворцовой гвардии.

— Пусть первым на отсечение головы пойдет буддийский монах, — приказал правитель.

— С большим удовольствием, — радостно воскликнул Сунь У-кун. — Вы уж извините меня, наставник, — сказал он, громко обращаясь к даосу. — За мою неучтивость придется мне первому идти.

— Ученик мой, — остановил его Трипитака. — Будь осторожнее. Это не шутка!

— А что мне их бояться? — возразил Сунь У-кун. — Уберите свои руки, учитель, и дайте мне пройти.

И вот, когда Великий Мудрец поднялся на помост, палачи схватили его, связали и положили его голову на плаху.

— Рубить! — раздался приказ.

Зазвенел меч, и голова Сунь У-куна отлетела прочь. Палач отшвырнул ее ногой, и она покатилась, словно арбуз, остановившись в сорока шагах от места казни. Крови не было. Вдруг послышался голос:

— Голова, назад!

Даос Сила оленя даже растерялся, услышав это, и, произнеся заклинание, вызвал местных духов земли.

— Удержите голову на месте, — приказал он им, — и, когда мы возьмем верх над этими монахами, я попрошу правителя вместо кумирни выстроить храм, а ваши статуи, сделанные из глины, заменить статуями из чистого золота.

Местные духи, находившиеся во власти даосов, не посмели ослушаться приказа и сделали так, что голова Сунь У-куна как бы приросла к месту. Никакие заклинания не помогали.

Сунь У-кун уже не на шутку перепугался. Сжав кулаки, он поднатужился и, разорвав веревки, крикнул:

— Расти!

В тот же миг у него появилась новая голова. Палачи и дворцовая гвардия были повержены в ужас. Главный палач поспешил к правителю.

— Ваше величество, — молвил он, — у монаха выросла новая голова.

— Кто мог подумать, что он обладает такими способностями, — не без ехидства шепнул Чжу Ба-цзе Ша-сэну.

— Он обладает способностью семидесяти двух перевоплощений, — сказал Ша-сэн. — Значит, семьдесят два раза у него может вырастать новая голова.

В этот момент к ним подошел Сунь У-кун.

— Учитель!

— Дорогой ученик мой!— обрадовался Трипитака. —Тебе пришлось тяжело, — участливо сказал он.

— Нисколько, —отвечал Сунь У-кун. — Все это для меня просто шутка.

— Дорогой брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Может быть, приложить к ране какое-нибудь лекарство?

— А ты посмотри, есть ли у меня рана.

Дурень пощупал шею Сунь У-куна и замер от удивления.

— Да ведь это чудесно, это замечательно! — восклицал он. — Никаких следов!

В этот момент прозвучал приказ правителя выдать им проездные бумаги.

— Я не считаю вас виновными, — сказал он, — и советую вам как можно скорее уходить отсюда.

— Весьма признательны вам, — сказал на это Сунь У-кун, — но, прежде чем покинуть вашу страну, я хочу, чтобы ваш наставник прошел такое же испытание, как и я.

— Дорогой наставник, — сказал тогда правитель, — этот монах не хочет освобождать вас от состязания. И раз уж вы начали его, так доведите до конца, чтобы мне не было стыдно за вас.

После этого даосу не оставалось ничего иного, как взойти на помост. Палачи связали его и положили голову на плаху. Сверкнул меч, и голова даоса откатилась прочь шагов на тридцать. Однако, как и у Сунь У-куна, крови не было.

— Голова, назад!— слышался голос.

В этот момент Сунь У-кун поспешно выдернул у себя волосок, и, дунув на него, крикнул: «Изменись!» В тот же миг волосок превратился в рыжую собаку, которая быстро подбежала к месту казни, схватила голову даоса и бросилась к окружающему дворец рву с водой. Туда она и бросила голову даоса.

Три раза даос приказывал голове вернуться на место, однако ничего из этого не вышло. Новая голова у даоса не выросла. Он не обладал такими способностями, как Сунь У-кун. Вскоре из раны хлынула кровь. Искусство вызывать ветер и дождь тоже не могло помочь. Разве мог он

сравниться с бессмертным, постигшим вечную Истину! Даос был мертв. Но, о чудо! На земле лежал уже не даос, а обезглавленный желтый тигр.

— Ваше величество, — поспешил доложить правителю главный палач, — у наставника не выросла новая голова, и он остался лежать мертвым. А теперь на его месте лежит обезглавленный желтый тигр.

Услышав это, правитель даже в лице изменился от страха и во все глаза уставился на находившихся около него двух других даосов.

— Судьба и счастье моего брата исчерпались, — сказал тут, поднявшись с места, Сила оленя, — но я не верю, что он превратился в этого желтого тигра. Все это проделки буддийских монахов. Я должен отомстить им. Пусть посостязаются со мной в разрезании живота.

Выслушав его, государь немного успокоился.

— Наш второй наставник, — обратился он к Сунь У-куну, — еще раз вызывает тебя на состязание.

— Что ж, — отвечал Сунь У-кун. — Надо сказать, что я давно не ел горячей пищи, и вот несколько дней тому назад нам повстречался один благодетель, который угостил нас пампушками и заставил съесть больше, чем следует. Поэтому последние дни я ощущаю боль в желудке и думаю, что там завелись червяки. Я как раз хотел попросить у вас, ваше величество, меч, чтобы распороть себе живот и прочистить внутренности. Тогда весь остальной путь я не буду испытывать никаких неприятностей.

— Взять его! — приказал правитель.

Тут на Сунь У-куна налетела целая толпа людей, которые схватили его и потащили прочь. Однако Сунь У-кун освободился от них.

— Нечего меня тащить, сам пойду, — сказал он. — Руки прошу мне оставить свободными, чтобы я мог промыть свои внутренности.

— Не связывать ему руки! — приказал правитель.

После этого Сунь У-кун вразвалку подошел к помосту, прислонившись к столбу, развязал пояс и обнажил живот. Палачи привязали его одним концом веревки за шею, а другим — за ноги. Палач взял небольшой нож, каким отрезают уши у быков, и одним взмахом распорол Сунь У-куну живот. Образовалась широкая, зияющая рана. Сунь У-кун сделал ее еще шире, вытащил свои внутренности и стал их тщательно перебирать. После этого он уложил их на прежнее место в полном порядке, как они лежали раньше, и, стянув кожу, дунул на нее, сказав при этом:

— Зарастай! — в тот же момент кожа срослась.

— Вот ваши дорожные бумаги, — испуганно сказал правитель. — Берите их и не задерживайтесь больше.

— Да бумаги сейчас не так важны, — сказал на это Сунь У-кун. — Мы хотели бы, чтобы ваш второй наставник распорол себе живот. Каково ваше мнение?

— Я тут ни при чем, — отвечал правитель, обращаясь к даосу Сила оленя. — Вы сами хотели состязаться с ним, вот и состязайтесь.

— Охотно, — согласился даос. — Я уверен в том, что не проиграю.

С этими словами даос так же важно, как и Сунь У-кун, прошел к месту состязаний. Палачи связали его и одним взмахом меча распороли ему живот. Даос, подражая Сунь У-куну, вытащил свои внутренности и стал приводить их в порядок. В этот момент Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, дунув на него, сказал:

— Изменись!

И волосок тотчас же превратился в коршуна, который, распутив крылья, ринулся к даосу и, схватив его внутренности, скрылся. От даоса остался жалкий окровавленный труп с распоротым животом. Палачи свалили столб и, оттащив труп, к своему изумлению увидели тушу белого рогатого оленя. Главный палач был поражен и бросился к правителю.

— Второго наставника тоже постигла неудача, — доложил он. — Коршун утащил его внутренности. Наставник мертв, но теперь на его месте белый олень.

— Как так олень? — с ужасом спросил правитель.

— Мой почтенный брат может быть и погиб, — сказал туг даос Сила барана, — но я не верю, что он превратился в оленя. Все это проделки монахов, которые хотят погубить нас. Я должен отомстить за своих братьев.

— Чем же вы можете победить этих монахов? — спросил правитель.

— Каждый из нас опустится в котел с кипящим маслом, — отвечал даос.

Правитель велел принести огромный котел, наполнить его маслом, а затем приказал соперникам начать состязание.

— Премного благодарен вам за ваши заботы, — сказал тут Сунь У-кун. — Я давно уже не имел возможности помыться и последнее время даже ощущаю зуд. Вот сейчас как раз и выкупаюсь.

Когда котел был установлен, его наполнили маслом, принесли хворост и развели огонь. Как только масло закипело, Сунь У-куну предложили залезть в котел.

— Не знаю только, какое купанье вы предпочитаете — гражданское или военное? — почтительно сложив руки обратился Сунь У-кун к правителю.

— А какая между ними разница? — спросил император.

— При гражданском купанье одежды не снимают, — пояснил Сунь У-кун, — и, скрестив руки, бросаются в воду вниз головой. При этом одежда ни в коем случае не должна быть запачкана. Маленькое пятнышко уже означает проигрыш. При военном купанье необходимо раздеться догола и прыгнуть в котел, а там по собственному усмотрению проделывать разные прыжки, фокусы и вообще забавляться вволю. Надо также принести вешалку для одежды и полотенце.

— Какой же из этих двух видов купанья вы предпочитаете? — обратился государь к даосу Сила барана.

— Если выбрать гражданское купанье, — смекнул даос, — то этот мошенник, пожалуй, пропитает свое платье какой-нибудь жидкостью, которая предохранит его от масла. Лучше военное купанье.

— Простите мне мою неучтивость, — сказал, выступив вперед, Сунь У-кун. — Мне все время приходится начинать.

С этими словами он разделся, потянулся всем телом, прыгнул прямо в котел с кипящим маслом и начал там барахтаться и кувыряться, словно купался в воде.

— Ну и обезьяна! — шепнул Чжу Ба-цзе Ша-сэну, глядя на Сунь У-куна и покусывая пальцы. — Зря мы подтрунивали над ней. Кто мог подумать, что она способна на такие дела? Вдруг Сунь У-кун заметил, что они шепчутся, и это показалось ему подозрительным.

«А Дурень продолжает издеваться надо мной, — подумал он. — Вот уж поистине: «Умный трудится, а дурак наслаждается праздностью». Мне приходится проделывать всякие штуки, а они стоят себе и блаженствуют. Ну, погодите, подстрою я вам штуку, натерпите страху».

Сунь У-кун с шумом погрузился в котел и, опустившись на дно, превратился в финиковую косточку.

— Ваше величество, — доложил главный палач, — монашек сварился.

Правитель очень обрадовался и приказал выловить из котла тело Сунь У-куна. Палач взял шумовку и стал шарить ею в котле. Однако отверстия в шумовке были чересчур велики, и Сунь У-кун, превратившийся в финиковую косточку, естественно, проскальзывал сквозь них.

— Этот монах был совсем тщедушный и, видимо, от него ничего не осталось, — сообщил главный палач.

— Схватить остальных трех монахов и бросить их в котел! — приказал тогда правитель.

Сначала схватили Чжу Ба-цзе, и так как вид у него был особенно страшный, его повалили лицом вниз, а затем скрутили ему назад руки.

— Ваше величество, — воскликнул в совершенном смятении Трипитака. — Простите смиренного монаха. Мой ученик, приняв нашу религию, совершил немало славных дел. И теперь, когда он погиб в котле с кипящим маслом, я не хочу больше жить. Вы — правитель, и все здесь подвластно вам. Прикажите мне умереть, и я умру. Только перед смертью я хотел бы просить вас об одной милости: велите принести мне полчашки холодного рисового отвара и три бумажных жертвенных коня. Я совершу жертвоприношение душе умершего и помолюсь за него. После этого я готов принять смерть.

— Недаром говорят, — заметил правитель, — что китайцы отличаются высоким чувством долга.

После этого он велел принести все, что просил Трипитака. Когда это было сделано, Трипитака позвал Ша-сэна и вместе с ним подошел к котлу. Несколько человек схватили Чжу Ба-цзе за уши и тоже подтащили его к котлу.

— О ученик мой, Сунь У-кун!—воскликнул Трипитака:

С тех пор как ты принес монашеский обет,

Ты в путешествии спасал меня от бед.

Заботу, милость и любовь твою ко мне

Тогда не раз в чужой я видел стороне.

Хотели мы достичь Великого пути.

Как мог задумать ты в обитель тьмы уйти?

При жизни к одному ты весь был устремлен,

И цель твоя была — достать святой канон,

И, даже смерть вкусив, ты веру сохранил.

В какой бы дальний край твой дух ни воспарил,

Меня ты должен ждать средь гробовых святынь,

И вместе улетим мы на гору Лэй-инь.

— Учитель, — не вытерпел Чжу Ба-цзе. — Вы молитесь совсем не так, как нужно. Ша-сэн! Ты поднеси за меня чашку с рисовым отваром, а я буду читать молитву. — И он, тяжело дыша, заговорил:

Ты, обезьяна с шерстью шелудивой,

Невежественный бимавэнь!

Ты, на смерть осужденный справедливо,

Варишься в масле, бимавэнь!

Вот для тебя пришел последний день!

Покончено с тобою, бимавэнь!

Сунь У-кун, который все это слышал, не выдержал, принял свой обычный вид и, выскочив наружу, как был голый и весь в масле, стал на краю котла.

— Дубина неотесанная! — крикнул он. — Ты кого это тут ругаешь?

— Ученик мой! — воскликнул Трипитака. — Как ты напугал меня!

— Да, прикидываться мертвым наш брат мастер, — заметил Ша-сэн.

— Ваше величество, — докладывали в это время перепуганные насмерть чиновники. — Монах вовсе не умер. Видите, он вынырнул из масла.

Между тем главный палач, опасаясь, как бы его не наказали за ложное донесение, поспешил доложить:

— Вначале монах действительно сварился, но так как он умер в неположенный день, душа его вернулась обратно.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел. Он выскочил из котла, вытерся и надел платье. Затем он схватил свой посох и, взмахнув им, ринулся на главного палача. Удар был тяжел, и от палача осталось мокрое место.

— У кого это душа вернулась? — кричал Сунь У-кун.

Перепуганные насмерть чиновники поспешили освободить от веревок Чжу Ба-цзе и, повалившись на колени, взмолились:

— Смилуйтесь над нами, смилуйтесь!

Правитель сошел с трона и хотел было удалиться, однако Сунь У-кун задержал его:

— Ваше величество, а теперь прикажите вашему наставнику искупаться в масле.

— О мой наставник, — произнес государь, дрожа от страха, — спасите меня! Скорее искупайтесь в масле, иначе этот монах пустит в ход свой посох.

Сила барана сошел вниз, так же, как и Сунь У-кун, снял с себя одежду и, прыгнув в котел, стал там плавать и кувыраться.

Оставив правителя, Сунь У-кун подошел к котлу и велел слугам подбрасывать хворосту. Затем он опустил руку в котел и так и ахнул. Масло было холодным как лед.

«Когда я купался, масло было горячим, — раздумывал он, — а сейчас оно совершенно холодное. Понятно! Этому даосу помогает Царь драконов».

Тут Сунь У-кун взвился ввысь и произнес заклинание, начинающееся словом «Ань», которым вызывал Царя драконов Северного моря.

— Я тебе покажу, несчастный червяк с рогами, — набросился он на дракона, когда тот явился на его зов. — Как ты смеешь помогать этому даосу, поручив дракону холода охранять его? Ты, что же, хочешь, чтобы он вышел победителем!

— Да разве посмел бы я поступать подобным образом? — залепетал перепуганный Царь драконов. — Вы, верно, не знаете. Великий Мудрец, что этим тварям путем невероятных усилий удалось добиться освобождения от своего первоначального вида. Однако из всех волшебных способов они знают лишь один — как вызывать духов грома, остальное все ересь, которая не имеет ничего общего с путем достижения бессмертия. Этот способ называется «дакайбо» и овладели они им в стране бессмертных. Двух его приятелей вы уже победили и заставили их принять свой первоначальный вид. А этот сам вырастил дракона холода и потому может своими проделками дурачить людей. Но вас не проведешь, Великий Мудрец! Я сейчас же отзову дракона холода, и даос сварится там весь, без остатка, вместе с костями и кожей.

— Ну, действуй, только живо, если не хочешь быть битым, — приказал Сунь У-кун.

После этого Царь драконов превратился в ураган, ринулся в котел, схватил дракона холода и унес его в Северное море.

А Сунь У-кун опустился на землю и, присоединившись к Трипитаке, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, стал наблюдать за всем происходившим. Вскоре они увидели, как даос, прилагая невероятные усилия, старался выбраться из котла. Однако это ему не удалось, он поскользнулся и полетел обратно. В тот же миг он сварился.

— Ваше величество, — поспешил доложить главный палач, — третий наставник погиб.

Услышав это, правитель пришел в отчаяние и, стукнув кулаком по столу, стал громко плакать и причитать:

Да, человеческое тело
Нам нелегко приобрести,
Не выплавить пилюль бессмертья,
Не зная верного пути
Хотя повелевал он духами,
Стихией водною владел,
А все-таки пилюль бессмертья
В распоряжение не имел.
О достижении нирваны
Какой возможен разговор,
Когда в сознание есть неясность
И омрачен духовный взор!
Ума напрасно напряжение —
Уйти от смерти не дано!
Хотя бы ты и стал монахом,
Но не спасешься — все равно.
О, если б испытать сначала
Непрочность жизни, смертный страх.
Кто захотел бы подвизаться
В посте и бдениях в горах?
Поистине можно сказать:

Если стану плавить золото и ртуть,

Этим ли достигну я чего-нибудь?

Принесет ли что-то для души моей

Верная мне сила ветра и дождей?

Если вы хотите знать, что произошло с Трипитакой и его учениками в дальнейшем, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287651>